Wie die petersburger Arbeiter zum Zaren gingen.

Prix: 25 cts.—20 pf.—2½ d.—5 cent.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

РСДРП

В. ВОИНОВЪ.

Какъ петербургскіе рабочіе къ царю ходили.

№ 16.

Издательство „ВПЕРЕДЪ“.

ЖЕНЕВА
Кооперативная типографія, 93, rue de Carouge 93.
1905.

Поступили на складъ экспедиціи „Впередъ“ слѣд. изданія:

1. **Горинъ и Лядовъ.** Четвертое лицо въ третейскомъ судѣ.
Цѣна: 5 cts. — 5 pf. — ½ d. — ½ cent.

2. **Заявленіе заграничнаго представителя Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.**
Цѣна: 5 cts. — 5pf. — ½ d. — ½ cent.

3. **Каутскій, Карлъ.** Соціальная революція.
Содержаніе: I. Соціальная реформа и соціальная революція. — II. На другой день послѣ соціальной революціи.
Цѣна: 1 fr. 50 cts.—1 m. 20 pf.—1 s. 3 d.—25 cent

4. **Заявленіе** по поводу сдачи партійной экспедиціи.
Высылается безплатно.

5. **Коментаріи** къ протоколамъ II-го съѣзда Заграничной Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи.)
Цѣна: 40 cts. — 35 pf — 4 d. — 8 cent.

6. **Ленинъ, Н.** Къ деревенской бѣднотѣ. (Объясненіе для крестьянъ, чего хотятъ соціальдемократы.
Цѣна: 80 cts. — 70 pf. — 8 d. — 16 cent.

7. **Ленинъ, Н.** Письмо въ редакцію „Искры“.
Цѣна: 15 cts. — 10 pf. — 1½ d. — 3 cent.

8. **Ленинъ, Н.** Письмо къ товарищу о нашихъ организаціонныхъ задачахъ.
Цѣна: 40 cts. — 35 pf. — 4 d. — 8 cent.

9. **Ленинъ, Н.** Шагъ впередъ, два шага назадъ. (Кризисъ въ нашей партіи).
Содержаніе: Предисловіе. — Подготовка съѣзда. — Значеніе группировокъ на съѣздѣ. — Начало съѣзда. Инцидентъ съ Организаціоннымъ Комитетомъ. — Распущеніе группы „Южный Рабочій“. — Инцидентъ съ равноправіемъ языковъ. — Аграрная программа. — Уставъ партіи. Проектъ тов. Мартова. — Пренія о централизмѣ до раскола внутри искровцевъ. — Параграфъ первый Устава. — Невинно пострадавшіе отъ ложнаго обвиненія въ оппортунизмѣ. — Продолженіе преній объ уставѣ. Составъ Совѣта. — Конецъ преній объ уставѣ. Кооптація въ центры. Уходъ делегатовъ „Рабочаго Дѣла“. — Выборы. Конецъ съѣзда. — Общая картина борьбы на съѣздѣ. Революціонное и оппортунистическое крыло партіи. — Послѣ съѣзда. Два пріема борьбы. — Маленькія непріятности не должны мѣшать большому удовольствію. — Новая „Искра“. Оппортунизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ.— Нѣчто о діалектикѣ. Два переворота. — Приложеніе (Инцидентъ тов. Гусева съ тов. Дейчемъ).

10. **Либералы и соціалисты.**
Цѣна: 40 cts. — 35 pf. — 4 d. — 8 cent.

Wie die petersburger Arbeiter zum Zaren gingen.

Prix: 25 cts.—20 pf.—2½ d.—5 cent.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

В. ВОИНОВЪ.

Какъ петербургскіе рабочіе къ царю ходили.

№ 16.

Издательство „ВПЕРЕДЪ“.

ЖЕНЕВА
Кооперативная типографія, 93, rue de Carouge 93.
1905.

КАКЪ ПЕТЕРБУРГСКІЕ РАБОЧІЕ КЪ ЦАРЮ ХОДИЛИ.

Въ началѣ января этого года всѣ питерскіе рабочіе побросали работу. Что случилось? Почему стоятъ фабрики и заводы? Почему 250000 человѣкъ вдругъ бросили трудъ, который даетъ имъ кусокъ хлѣба?

Надо разсказать объ этомъ съ самаго начала.

Съ годъ тому назадъ полиція разрѣшила петербургскимъ рабочимъ устроить свое общество: „Собраніе русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ", позволило имъ собираться въ особыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ священники должны были поучать ихъ. Извѣстно, чему учатъ попы народъ: „бѣдны вы? — сами виноваты! Не пейте вина, не ходите въ трактиры, сберегайте по грошику на черный день. Курить тоже не слѣдуетъ. Работайте прилежно, всякое начальство чтите, на Бога не ропщите, а побольше молитесь — вотъ и ладно будетъ". Но рабочіе-то знаютъ хорошо, что всѣ эти слова — одна сплошная ложь! Не отъ пьянства бѣденъ рабочій, а отъ нищеты безпросвѣтной пьетъ онъ. Надо-же человѣку послѣ каторжнаго труда хоть немножко повеселиться, а гдѣ же веселіе для рабочаго? Самъ управляющій Путиловскаго завода въ Питерѣ говоритъ: „не надо рабочему уменьшать рабочій день, а то онъ все равно все свободное время пить будетъ: дома у него жить нельзя, — тѣсно, грязно, духота... Ни читаленъ, ни клубовъ, ни театровъ для него не припасено — въ кабакъ одна дорога".

Не правда-ли, какъ ловко разсуждаютъ господа фабриканты и управляющіе? Почему нѣтъ у рабочаго

ни читаленъ, ни театровъ, ни курсовъ, ни клубовъ? — „Некогда ему! — говорятъ — гдѣ ужъ! Придетъ усталый съ работы, радъ до постели добраться". — Ну, такъ дайте ему свободнаго времени побольше! — „На что ему? — отвѣчаютъ — все равно ему дѣваться некуда". Такъ и не вырвешься изъ этого круга. Знаютъ рабочіе хорошо, что проповѣди поповъ противъ пьянства одни слова пустыя: платили-бы рабочему больше, поменьше изнуряли бы на работѣ, позаботились-бы о томъ, чтобы образованіе и хорошія развлеченія были ему доступнѣе, — тогда и пьянство сразу-бы уменьшилось.

„Слушайтесь всякаго начальства, не будьте строптивы", — учили попы на рабочихъ собраніяхъ. — „Врутъ батьки! думаютъ рабочіе — только тогда мы для себя чего нибудь и добивались, когда скопомъ не слушались и бунтовали. Гдѣ рабочій молчитъ и терпитъ, тамъ его и такъ и сякъ честятъ, жилы изъ него тянутъ, да еще и въ зубы норовятъ... Повиновеніе и терпѣніе рабочему — гибель! И на счетъ бога и молитвы — все пустое. Хорошо говорится въ пословицѣ: на бога надѣйся, а самъ не плошай. Господа фабриканты не отъ молитвы наживаются, а всячески прижимая рабочій людъ; коли будешь на ихъ подвохи одному богу жаловаться — живьемъ съѣдятъ!"

Но вотъ начались на рабочемъ собраніи совсѣмъ новыя рѣчи.

Не всѣ полицейскіе ставленники попы шли на собранія только затѣмъ, чтобы рабочихъ морочить. Былъ между ними одинъ молодой священникъ — Георгій Гапонъ, сынъ полтавскаго крестьянина, человѣкъ правдивый, который хотѣлъ и въ самомъ дѣлѣ помочь рабочему люду. Жилъ онъ просто и бѣдно, вмѣстѣ съ рабочими, какъ свой человѣкъ; толковалъ съ ними откровенно, и увидѣлъ онъ, что рабочіе правы, что одно спасеніе рабочему человѣку отъ кровопійства хозяевъ — другъ за друга стоять, вмѣстѣ

свое рабочее дѣло отстаивать. А тутъ какъ разъ къ январю прогнали управляющіе путиловскимъ заводомъ четырехъ рабочихъ, членовъ общества, не за провинность какую нибудь, а такъ, больно умны показались. Остальные путиловскіе рабочіе вступились, послали къ начальству выборныхъ похлопотать; пошелъ съ выборными и священникъ Гапонъ. Начальство разсердилось, раскричалось, объ уступкѣ и говорить не пожелало.

Нужда и невзгоды давно уже сдѣлали рабочимъ жизнь горше смерти. Трудъ страшный, все тѣло разломаетъ, силы подкашиваетъ, болѣютъ рабочіе, рано мрутъ, а семью прокормить все нечѣмъ. А ужъ если заболѣетъ отецъ семейства, тогда голодаютъ ребятишки, гибель какъ черная туча надъ семьею нависнетъ. Старъ станетъ рабочій, а старость у рабочаго отъ непосильнаго труда ранняя, гонятъ его вонъ, пропадай, какъ знаешь. Фабриканты и въ усъ не дуютъ: только еще потуже затягиваютъ петлю, штрафами донимаютъ, за каждое смѣлое слово на улицу выбрасываютъ, мастера издѣваются, за человѣка не считаютъ, драться лѣзутъ, къ дѣвушкамъ работницамъ пристаютъ... Управы нигдѣ не найдешь. Фабричные инспектора и другія власти—тѣ же бары, хозяйскую руку тянутъ. У нихъ еще рабочій и виноватъ остается: одна издѣвка. Много горечи, много гнѣва накопили рабочіе... ну, и разразилась гроза.

Забастовали путиловцы и словно зараза охватила всѣ заводы. Въ немного дней сталъ весь рабочій Петербургъ. Замеръ весь огромный городъ, потому что двигателемъ его служитъ рабочая рука, замеръ и ждетъ, что-то будетъ. Гулъ стоитъ въ залахъ рабочихъ собраній. Одни тысячи приходятъ, другія уходятъ. Рабочіе обсуждаютъ свое рабочее дѣло. Выступаютъ передъ ними разные люди, и свои рабочіе, и друзья рабочихъ. Говорилъ всюду и священникъ Гапонъ.

Гапонъ говорилъ, что пришелъ предѣлъ всякому

терпѣнію, что нужно всѣмъ вмѣстѣ стоять дружно и добиваться разныхъ улучшеній. Да не для себя только, а и для всего рабочаго люда и для всей Россіи. Стонетъ повсюду рабочій человѣкъ подъ тяжкимъ игомъ богача, стонетъ и многомилліонный деревенскій людъ: голодъ то тамъ, то здѣсь свирѣпствуетъ, не переводится голодуха на Руси, болѣзни страшныя, всюду голь и нищета, а чиновники за недоимки послѣднее хозяйство разворяютъ. А тутъ еще война: давай послѣднюю лошадь, давай и кровь родную — сына, мужа, давай на погибель въ далекой странѣ работника, опору семьи, оставайся безъ поддержки на погибель. Вотъ встали теперь всѣ рабочіе Петербурга, чуютъ они свою огромную силу: пусть-же они постоятъ за всю бѣдную Россію.

Такъ говорили и многіе рабочіе, и свящ. Гапонъ. Но кому-же жаловаться на свою бѣду, у кого просить защиты? Не у правительства-ли? Не у чиновниковъ-ли, не у полиціи-ли? — Ну, нѣтъ! Ихъ хорошо зналъ рабочій людъ Петербурга! Развѣ не избивала полиція рабочихъ за ихъ недовольство, развѣ не арестовывали, не сажали въ тюрьмы, не ссылали всякаго рабочаго посмѣлѣе? Чѣмъ помогли они когда — нибудь рабочему человѣку? Даже теперь, во время январьской стачки, когда испуганные хозяева соглашались было на уступки, полиція нахально запретила имъ уступать законнымъ требованіямъ рабочихъ, а то они-де зазнаются. Нѣтъ, ужъ къ нимъ рабочіе жаловаться на свою участь не пойдутъ. Но тутъ Гапонъ и иные рабочіе стали говорить: министры и чиновники, полиція и заводское начальство — все одна шайка, всѣ грабятъ рабочаго, всѣ пьютъ кровь изъ русскаго народа. А вотъ царь? Царь, защитникъ народа, онъ-то чего смотритъ?—Онъ любитъ народъ, говорилъ Гапонъ и его единомышленники: только ничего-то онъ не знаетъ, —до бога высоко, до царя далеко! Стали чиновники и богачи стѣною между царемъ и народомъ, оттерли его отъ насъ! Рабочіе!

порвемъ, проломимъ эту стѣну; понесемъ грамоту-петицію къ царю, выложимъ въ ней свое горе и все, чего мы просимъ. Скажемъ въ ней, что мы хотимъ, чтобы царь народомъ правилъ не черезъ подлыхъ, корыстолюбивыхъ чиновниковъ, а вмѣстѣ съ самимъ народомъ, совѣщаясь постоянно съ его выборными. Вотъ что предложилъ рабочимъ священникъ Георгій Гапонъ. Рабочимъ эта мысль очень понравилась; всюду на это предложеніе большая часть рабочихъ кричала: „Да, да! Пойдемъ къ царю: пусть самъ къ намъ выйдетъ, нашу петицію возьметъ, пусть заступится за свой народъ“.

Но были на собраніяхъ и такіе, что не соглашались съ предложеніемъ Гапона. То были *соціаль-демократы*. Соціаль-демократы въ отвѣтъ на рѣчи Гапона разсказывали рабочимъ, какъ они понимаютъ дѣло, и вотъ что говорили соціаль-демократы:

„Не вѣрьте, товарищи рабочіе, что царь другъ народу, рабочему, крестьянскому люду. Не вѣрьте, что царь ничего не знаетъ про то, какъ горько живется бѣднымъ людямъ въ Россіи. Много можно было-бы поразсказать, чтобы вы видѣли, какой царь другъ вамъ: напомнимъ вамъ хоть то, какъ онъ благодарилъ Фанагорійскій полкъ и называлъ солдатъ молодцами за то, что они безжалостно разстрѣляли рабочихъ и работницъ Ярославля; напомнимъ вамъ, какъ по царскому приказу до смерти пороли полтавскихъ крестьянъ за то, что они хотѣли отстоять себя отъ вымогательства помѣщиковъ. И мало-ли за нимъ такихъ дѣлъ! Да и неудивительно это, самъ онъ богачъ, самъ богатѣйшій помѣщикъ и заводчикъ. Не русскому народу онъ глава, онъ глава шайкѣ чиновныхъ грабителей, потакающей во всемъ дворянамъ и богатымъ купцамъ. Беретъ онъ у народа послѣдніе гроши, беретъ сыновей народа, и на народныя деньги изъ сыновъ и братьевъ вашихъ дѣлаетъ солдатъ, вымуштрованныхъ для того, чтобы защищать его шайку, чтобы пулями и штыками расправляться

съ вами, если вамъ не втерпежъ станетъ, если со стономъ забьется рабочій народъ подъ бременемъ своихъ мрачныхъ вампировъ! Не выйдетъ къ вамъ царь, товарищи рабочіе!"—говорили соціальдемократы: „онъ вышлетъ противъ васъ солдатъ, велитъ васъ растрѣливать, какъ бѣшеныхъ собакъ, не посмотритъ, что вы пойдете съ женами и малыми дѣтьми, захочетъ онъ кровью вашею залить ваше недовольство, чтобы вамъ впередъ неповадно было, чтобы вы безропотно впряглись въ телѣгу и везли бы на себѣ богатыхъ и знатныхъ, и самого царя съ его семьею, а они-бы, господа ваши, только-бы гикали да кнутомъ помахивали. Попомните наше слово: захочетъ царь показать вамъ, что вы не люди, а рабочій скотъ, что ваше дѣло молчать и работать, работать голодными и холодными, барамъ на пользу, пока не изработаетесь въ конецъ и не свалитесь отдохнуть въ холодную могилу". Такъ говорили соціальдемократы; рабочіе слушали этихъ своихъ товарищей (потому что соціальдемократы тоже рабочіе) внимательно, но сразу не соглашались, все еще сидѣла въ нихъ вѣра въ царя. А иные спрашивали: „что-же по вашему намъ дѣлать?"

На такіе вопросы рабочіе соціальдемократы отвѣчали такъ: „Прежде всего должны вы знать, братцы, что самый первый вашъ врагъ — царь и есть. Онъ со своей полиціей и солдатчиной оберегаетъ богачей и не даетъ вамъ бороться съ ними за ваши интересы. Долгій путь предстоитъ намъ съ вами, товарищи, пока мы совсѣмъ одолѣемъ богачей, пока народъ рабочій соединенный, образованный, умѣлый самъ возьметъ въ свои руки фабрики и заводы, копи и желѣзныя дороги и земли, и станетъ трудиться общимъ трудомъ для счастья и блага всѣхъ, а не для наживы горсти тунеядцевъ. Когда настанетъ такое время, тогда рабочій людъ городской и деревенскій станетъ хозяиномъ и своего труда и всѣхъ орудій труда: такой строй называется *соціалистическимъ*.

За него борятся рабочіе всѣхъ странъ, слившись въ одинъ большой братскій союзъ - международную соціальдемократическую рабочую партію.

У нашихъ сосѣдей, у нѣмцевъ, французовъ и другихъ народовъ Западной Европы рабочимъ можно широко бороться за свои цѣли, за то, чтобы настало новое *рабочее* устройство жизни, настоящее братское устройство, въ которомъ уже не будетъ одинъ человѣкъ выжимать соки изъ другого, а всѣ будутъ радостно трудиться на общей землѣ, общими машинами—всѣмъ на благо. Европейскіе рабочіе въ сосѣднихъ съ нами странахъ могутъ свободно говорить о такомъ устройствѣ жизни, о соціализмѣ и о борьбѣ за него, они могутъ распространять свое ученіе и живымъ словомъ, и въ книгахъ, и въ газетахъ. Тамъ существуетъ *свобода слова и печати.* Тамошніе рабочіе могутъ устраивать стачки, устраивать союзы для этого, сговариваться съ хозяевами не по одиночкѣ, а всѣ разомъ: „хочешь принять наши условія будемъ работать, а не хочешь—не будетъ тебѣ ни единаго рабочаго". И благодаря крѣпкимъ союзамъ и собственнымъ кассамъ рабочіе могутъ надолго лишить хозяина рабочихъ рукъ: никто къ нему не идетъ, а участвующихъ въ стачкѣ поддерживаютъ другіе рабочіе, имѣющіе заработокъ. Могутъ рабочіе заключать союзы и для другихъ цѣлей, напримѣръ, чтобы общими силами стремиться къ образованію. Тамъ существуетъ *свобода стачекъ и союзовъ.*

Мало того: у нашихъ сосѣдей въ Европѣ правительство не имѣетъ права налагать налоги, тратить народныя деньги и издавать законы безъ воли народа. Тамъ существуетъ *парламентъ.* Парламентъ —это собраніе довѣренныхъ, выборныхъ всѣмъ народомъ для надзора за правительствомъ и для того, чтобы передавать правительству о нуждахъ народа. А во многихъ странахъ, напримѣръ Франціи и Швейцаріи, народъ выбираетъ и правительство. Такое народное правленіе называется *республикой,*

Во всѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ парламенты, рабочіе тоже выбираютъ туда своихъ представителей — соціалистовъ. Эти представители рабочихъ громко, передъ лицомъ всего міра, говорятъ о нуждахъ рабочихъ и о ихъ великой цѣли — соціализмѣ. Имъ зачастую удается вырвать у богатыхъ законы, улучшающіе бытъ рабочихъ, законы о защитѣ женщинъ, дѣтей отъ чрезмѣрнаго труда, о сокращеніи рабочаго дня, о страхованіи жизни и здоровья рабочихъ. А чѣмъ лучше живется рабочему — тѣмъ больше силъ остается у него для борьбы за соціализмъ, для распространенія этого ученія, для сплоченія силъ всего великаго всемірнаго рабочаго братства.

И у насъ въ Россіи городскіе рабочіе стали понимать свое положеніе. Образовалась рабочая партія соціальдемократовъ, то-есть соціалистовъ защитниковъ правъ народа, и члены этой партіи стали распространять среди рабочихъ истинное ученіе о причинахъ ихъ горькой нужды и о томъ, какъ устранить ее. Но у русскаго рабочаго люда, какъ городскаго такъ и деревенскаго, нѣтъ тѣхъ оружій, которыми борятся его братья въ другихъ свободныхъ странахъ. У насъ *нѣтъ парламента*, а править нами самодержецъ — царь, который тянетъ руку богачей: если и издаетъ онъ какіе законы для рабочихъ, то для отвода глазъ, потому что остаются эти законы на бумагѣ. У насъ *нѣтъ свободы слова:* за всякое свободное слово жандармы и полиція у насъ хватаютъ и безъ суда сажаютъ въ тюрьмы или засылаютъ въ Сибирь; и тихонько то нельзя у насъ безопастно высказывать свои мысли, — всюду сторожатъ шпіоны, готовые донести. *Нѣтъ у насъ свободы печати:* чуть напишетъ истинную правду какой-нибудь писатель, горькую правду, которую хотятъ скрыть наши правители, — ужъ прихлопнули газету, сожгли книжку, а пожалуй посадили въ тюрьму и самого писателя. *Нѣтъ у насъ свободы союзовъ и стачекъ:* устраивать стачки и

союзы въ Россіи—преступленіе, а на зачинщиковъ обрушиваются всякія кары; если же полиція и устраиваетъ самыя рабочіе союзы, то только чтобъ вылавливать рабочихъ поумнѣе, посмѣлѣе и хватать ихъ. Вотъ потому, что нѣтъ у насъ всѣхъ этихъ правъ, русскому рабочему непомѣрно трудно бороться за улучшеніе своего быта и за рабочее дѣло—за соціализмъ. Поперекъ дороги ему стоитъ русское рабство. Только выпрямится рабочій, только захочетъ поднять свой голосъ — какъ натыкается на самаго страшнаго врага — на царское правительство: уже плетъ оно полицію и войско, свищетъ нагайка, трещатъ залпы, льется рабочая кровь.

И все таки рабочіе въ цѣломъ рядѣ городовъ устраивали громадныя стачки, выходили на улицу со своимъ рабочимъ краснымъ знаменемъ, безстрашно заявляли свои требованія всего рабочаго люда, всѣхъ батраковъ, всѣхъ, изъ кого пьютъ кровь имущіе господа какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Не боятся рабочіе царскихъ опричниковъ. Но не сбросимъ съ родины самодержавнаго ига, не установивъ и въ Россіи народнаго правленія, не сможетъ рабочій человѣкъ расправить могучія плечи и вести свѣтлую и побѣдоносную борьбу, которую ведутъ его братья въ свободныхъ странахъ, борьбу за равенство и братство, за соціализмъ. А въ борьбѣ съ царемъ, въ борьбѣ за народное правленіе городскіе рабочіе могутъ ждать помощи и поддержки не только отъ своего брата, деревенскаго батрака и бѣдняка; и у зажиточнаго мужика царская власть виситъ на шеѣ тяжелымъ бременемъ. И ему, и ремесленнику, и мелкому торговцу не сладко платить тяжкіе поборы, отдавать дѣтей въ солдаты, кровью и достояніемъ жертвовать на безумныя царскія затѣи, вродѣ глупой и позорной войны съ Японіей, и въ обмѣнъ получать одно самоуправство чиновниковъ. Да и никто не доволенъ царскимъ управленіемъ. Разоренъ народъ до тла, страдаетъ отъ этого

даже крупный купецъ и фабрикантъ: некому покупать товары. Дѣла своего дѣлать правительство не умѣетъ: повело армію и флотъ противъ японцевъ и на весь свѣтъ осрамилось, ничего у него не было готово, на бойню повели вашихъ сыновей и братьевъ. Этого срама не простятъ правительству и богатые."

„Вотъ каковы дѣла — говорили рабочимъ соціальдемократы, и вамъ надо твердо знать, гдѣ ваши враги, гдѣ друзья, а гдѣ временные союзники. Теперь, когда война всѣхъ научила понимать, какъ неумѣло править Россіей царское правительство, когда всѣ классы населенія противъ него—вамъ, товарищи-рабочіе, нужно ковать горячее желѣзо: соединяйтесь въ крѣпкіе союзы, примыкая къ соціальдемократической рабочей партіи, распространяйте повсюду, что такое соціализмъ, и почему надо бороться съ царскимъ правительствомъ, вооружайтесь и дѣятельно готовьтесь къ борьбѣ. Встанетъ скоро съ вами весь русскій рабочій людъ, словно параличъ хватитъ всю страну, станутъ паровозы и всякія машины повсюду, погаснетъ газъ и электричество, весь трудъ замретъ, а безъ него никому жить нельзя. Встанетъ и деревня, а вы выйдете на улицы и площади столицъ и большихъ городовъ, вооружившись для борьбы, и громовымъ голосомъ потребуйте: *долой самодержавіе!* Вся Россія будетъ тогда съ вами. Войско, можетъ быть, и попытается вамъ противиться, да скоро пойметъ и солдатъ, что на вашей сторонѣ правда, вѣдь и солдатъ угнетенный человѣкъ, и ему нужна свобода, какъ и вамъ. И вы сбросите царское иго, товарищи, вы назначите временно свое правительство, а оно кликнетъ кличъ по всей странѣ, чтобы выбирали выборныхъ люди всякаго званія, выбирали бы *всѣ, кому минуло 20 лѣтъ, сами* бы выбирали *безъ посредниковъ*, на *равныхъ* правахъ, а голоса бы подавали *тайно*, чтобы никто не могъ принудить выбирать не по своему желанію, а по чужо-

му. Такъ выберетъ народъ *всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ* великое всенародное *Учредительное Собраніе*, оно и рѣшитъ, какимъ законамъ впередъ быть и какъ русскому народу собою править".

Вотъ чему учили соціальдемократы своихъ товарищей рабочихъ, когда тѣ собрались обсудить свое горькое положеніе. Но большинство петербургскихъ рабочихъ не могло сразу понять, какую правду говорятъ соціальдемократы, а согласились все таки съ предложеніемъ священника Гапона нести всѣмъ міромъ царю грамоту—петицію. Всетаки, хоть и не послушали рабочіе своихъ самыхъ умныхъ и передовыхъ товарищей, а сильно призадумались надъ тѣмъ, что они имъ говорили, и многое изъ ихъ предложеній внесли въ свою петицію.

Сталъ послѣ этого Георгій Гапонъ съ выборными рабочими писать петицію, и написалъ такъ:

Государь!

Мы рабочіе г. Петербурга, наши жены, дѣти и безпомощные старцы-родители пришли къ тебѣ, Государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, насъ угнетаютъ, обременяютъ непосильнымъ трудомъ, надъ нами надругаются, въ насъ не признаютъ людей, къ намъ относятся, какъ къ врагамъ.

Мы и терпѣли, но насъ толкаютъ все дальше и дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества; насъ душатъ деспотизмъ и произволъ и мы задыхаемся. — Нѣтъ больше силъ, Государь. Насталъ предѣлъ терпѣнію.

Для насъ пришелъ тотъ страшный моментъ, когда лучше смерть, чѣмъ продолженіе невыносимыхъ мукъ.

И вотъ мы бросили работу и заявили нашимъ хозяевамъ, что не начнемъ работать, пока они не исполнятъ нашихъ требованій. Мы немногого просили. Мы желаемъ того, безъ чего не жизнь, а каторга, вѣчная мука.

Первая наша просьба была, чтобы хозяева вмѣстѣ съ нами обсудили наши нужды, но и въ этомъ намъ отказали—въ правѣ говорить о нашихъ нуждахъ, находя, что за нами не признаетъ законъ такого права. Незаконны оказались также наши просьбы уменьшить число рабочихъ часовъ до 8 въ день и устанавливать цѣны на наши работы вмѣстѣ съ нами и съ нашего согласія, разсматривать наши недоразумѣнія съ низшей администраціей завода.

Увеличить чернорабочимъ и женщинамъ плату за ихъ трудъ до 1 рубля въ день, отмѣнить сверхурочныя работы, лечить насъ внимательно и безъ оскорбленія, устроить мастерскія такъ, чтобы въ нихъ можно было бы работать, а не находить тамъ смерть отъ страшныхъ сквозняковъ, дождя и снѣга.

Все оказалось по мнѣнію нашихъ хозяевъ противозаконно. Всякая наша просьба—преступленіе, а наше желаніе улучшить наше положеніе—дерзость, оскорбительная для нашихъ хозяевъ. Государь, насъ здѣсь больше 300.000—и все это люди только по виду, только по наружности, въ дѣйствительности же за нами не признаютъ ни одного человѣческаго права, даже говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать мѣры къ улучшенію нашего положенія.

Всякаго изъ насъ, кто осмѣлится поднять голосъ—въ защиту интересовъ рабочаго класса—бросаютъ въ тюрьму, отправляютъ въ ссылку, каратъ какъ за преступленіе—за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалѣть рабочаго, безправнаго измученнаго человѣка — значитъ совершить тяжелое преступленіе.—Государь, развѣ это согласно съ божескими законами, милостью которыхъ ты царствуешь? Не лучше ли умереть, умереть всѣмъ намъ—трудящимся людямъ всей Россіи? Пусть живутъ и наслаждаются капиталисты и чиновники. Вотъ что стоитъ передъ нами, Государь!

И это-то насъ и собрало къ стѣнамъ твоего дворца. Тутъ мы ищемъ послѣдняго спасенія. Не откажи въ помощи твоему народу, выведи его изъ могилы безправія, нищеты и невѣжества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось съ него невыносимый гнетъ чиновниковъ, разрушь стѣну между тобой и твоимъ народомъ и пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ тобой. Вѣдь ты поставленъ на счастье народу, а это счастье чиновники вырываютъ у насъ изъ рукъ, къ намъ оно не доходитъ, мы получаемъ только горе и униженіе.

Взгляни безъ гнѣва внимательно на наши просьбы, они направлены не ко злу, а къ добру, какъ для насъ, такъ и для тебя, Государь. Не дерзость въ насъ говоритъ, а сознаніе необходимости выхода изъ невыноснмаго для всѣхъ положенія. Россія слишкомъ велика, нужды ея слишкомъ многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы самъ народъ помогалъ себѣ, вѣдь ему только извѣстны его нужды. Не отталкивай же его помощи: прими ее, повели немедленно, сейчасъ же призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ сословій. Пусть тутъ будетъ и капиталистъ, и рабочій, и священникъ, и докторъ, и учитель: пусть всѣ, кто бы они ни были, изберутъ своихъ представителей, пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія. — а для этого повели, чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, тайной и равной подачи голосовъ. Эта самая главная наша просьба; въ ней и на ней зиждется все, это главный и единствен-

ный пластырь для нашихъ ранъ, безъ котораго наши раны вѣчно будутъ сочиться и поведутъ насъ быстро къ смерти.

Но одна мѣра все же не можетъ залѣчить всѣхъ нашихъ ранъ; необходимы еще и другія, и мы крѣпко и открыто, какъ отцу, говоримъ тебѣ, Государь, о нихъ.

Необходимы:

I. Мѣры противъ невѣжества и безправія русскаго народа:

1) Свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, собраній, совѣсти въ дѣлѣ религіи.

2) Общее и обязательное народное образованіе на государственный счетъ.

3) Отвѣтственность министровъ передъ народомъ и гарантіи законности управленія.

4) Равенство передъ закономъ всѣхъ безъ исключенія.

5) Немедленное возвращеніе всѣхъ пострадавшихъ за убѣжденія.

II. Мѣры противъ нищеты народа:

1) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямымъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ.

2) Отмѣна выкупныхъ платежей; *дешевый кредитъ* и постепенная передача земли народу.

III. Мѣры противъ гнета капитала надъ трудомъ:

1) Охрана труда закономъ.

2) Свобода потребительно-производительныхъ профессіональныхъ союзовъ.

3) 8-часовой рабочій день и нормировка сверхурочныхъ работъ.

4) Свобода борьбы труда съ капиталомъ.

5) Участіе рабочихъ въ выработкѣ законопроекта о государственномъ страхованіи рабочихъ.

6) Минимальная заработная плата.

Вотъ, Государь, наши главныя нужды, съ которыми мы и пришли къ тебѣ. Повели и поклянись исполнить ихъ, и ты сдѣлаешь Россію и счастливой и славной, а имя твое запечатлѣемъ въ сердцахъ нашихъ и нашихъ потомковъ на вѣчныя времена, а не повелишь—мы умремъ здѣсь на этой площади передъ твоимъ дворцомъ. Намъ некуда дальше итти и незачѣмъ. У насъ только два пути: или къ свободѣ и счастью, или въ могилу. Укажи, Государь, любой изъ нихъ,—мы пойдемъ по нему безпрекословно, хотя бы это и былъ путь смерти. Пусть наша жизнь будетъ жертвой для изстрадавшейся Россіи. Намъ не жалко этой жертвы, мы охотно приносимъ ее.

Требованія, выраженныя въ этой петиціи вѣрно отвѣчаютъ нуждамъ рабочихъ, только не могли соціальдемократы согласиться повѣрить, чтобы царь для народа хоть палецъ о палецъ ударилъ. Гапонъ

же очень заботился, чтобы министры не налгали царю, не стали бы снова между нимъ и народомъ, а потому написалъ онъ царю письмо, и такъ написалъ ему:

Государь, не думай, что твои министры сказали тебѣ всю правду о современномъ положеніи. Народъ весь вѣритъ въ тебя; онъ рѣшилъ явиться завтра въ два часа пополудни къ Зимнему Дворцу, чтобы представить тебѣ свои нужды.

Если, въ нерѣшимости, ты не покажешься народу, ты порвешь нравственную связь, существующую между тобой и твоимъ народомъ. Довѣріе, которое онъ питаетъ къ тебѣ, исчезнетъ. И на этомъ мѣстѣ между тобой и народомъ прольется невинная кровь. Явись завтра передъ твоимъ народомъ и прими съ открытой душой нашу смиренную петицію. Я, представитель рабочихъ, и мои мужественные товарищи, — мы гарантируемъ неприкосновенность твоей личности.

Соціал-демократы всюду свое повторяли: не „выйдетъ къ вамъ царь, будутъ въ васъ стрѣлять; если ужъ итти, пойдемъ съ оружіемъ!“

Но Гапонъ не хотѣлъ этого и уговорился съ соціальдемократами такъ: пусть они берутъ свои красныя знамена и какое у нихъ есть оружіе, но пусть прячутъ ихъ, если же и въ правду станутъ избивать народъ, тогда вольны они распустить знамена и вольны пустить въ ходъ оружіе. И сказалъ священникъ Гапонъ: „Тогда я самъ скажу — долой царя! Самъ буду драться вмѣстѣ съ вами“.

И вотъ утромъ 9-го числа января, въ воскресенье пошли рабочіе съ четырехъ концовъ города къ Зимнему дворцу. Денекъ выдался веселый, солнечный съ морозцемъ; купола церквей сіяли. А на сердцѣ русскихъ обывателей было невесело. Съ мрачными лицами шли да шли маленькими группами петербурцы на площадь къ Зимнему дворцу, посмотрѣть, какъ царь приметъ дорогихъ гостей — рабочихъ.

А рабочіе приближались. Путиловцы шли торжественно и стройно, пѣли церковныя пѣсни, впереди несли хоругви, и иконы, и царскій портретъ. Священникъ Гапонъ шелъ въ облаченіи впереди всѣхъ.

Ни дать, ни взять крестный ходъ. Подошли къ Нарвскимъ воротамъ, а тамъ ужъ и казаки и пѣхота. Что такое? Царь и дядя его Владиміръ отдали приказъ генералу князю Васильчикову защищать Петербургъ отъ рабочихъ, словно непріятель наступаетъ.

„Народъ недоволенъ! народъ страдаетъ?“ спросилъ дядя царскій, великій князь Владиміръ: „я знаю хорошее лекарство отъ народныхъ бѣдствій: стоитъ повѣсить сотню зачинщиковъ передъ глазами остальныхъ—и все какъ рукой сниметъ!“ „Устройте имъ хорошенькое кровопусканьице, дорогой князь, говорилъ онъ Васильчикову: чтобы надолго запомнили.“

И вотъ откуда ни шли рабочіе всюду встрѣтили ихъ штыки. Подходятъ путиловцы къ казакамъ. Вышли впередъ старики и говорятъ имъ: „Бога вы не боитесь! Грѣхъ вамъ, братья-казаки, мы идемъ къ царю съ челобитной, по божьему, честь-честью, а вы насъ не пускаете!“ Одинъ отвѣтъ: „Не велѣно!“ А толпа сзади напираетъ: „Чего тамъ!“ — кричатъ рабочіе: „не будутъ стрѣлять! ужели во святыя иконы, въ хоругви христіанское войско палить будетъ!“ Напираютъ. Вдругъ на рожкѣ что то проиграли. Бацъ! „Шутятъ, холостыми палятъ!“ — кричатъ рабочіе. Да нѣтъ, вонъ шатаются люди, вонъ падаютъ, стоны слышны, кровь заалѣла по снѣгу.

Взревѣла толпа въ гнѣвѣ, въ отчаяніи, а оружія нѣтъ! Нѣтъ оружія! А храброе царское войско знай палитъ: десятки, сотни лежатъ уже на покраснѣвшемъ отъ крови снѣгу, женщины, ребятишки... Пробили пулями иконы, пробили и царскій портретъ, и хоругвеносцевъ поубивали!

Тоже было и въ другихъ мѣстахъ. Страшно разсказывать, да всего и не перескажешь.

На Васильевскомъ островѣ пытались отъ солдатъ защищаться построили загородь — баррикаду изъ телеграфныхъ столбовъ и изъ проволоки. Да чем? Оружія настоящаго нѣту. Надо было сразу послу-

шать соціальдемократовъ, дружно приняться за то, чтобы всѣми мѣрами вооружаться. Другое было бы дѣло. Достаточно есть солдатъ, которымъ тяжко стрѣлять въ свой народъ, да бояться начальства, разстрѣла; а какъ увидѣли бы, что и народъ съ ружьями да бомбами, какъ увидѣли бы, что и противъ народа идти тоже смерть, и что народъ съумѣетъ солдата отъ начальства защитить — тогда и стали бы переходить къ народу: вѣдь солдатъ тотъ же мужикъ, свой братъ-простонародье.

А безоружныхъ всюду разстрѣливалъ царь на славу. Больше же всего у самаго дворца. Сюда разными путями собралось множество рабочихъ. Сошлось видимо-невидимо публики — посмотрѣть. По всѣмъ безъ разбору и палили. Тысячи народу убили. Въ Александровскомъ саду всю публику заперли и разстрѣливали. Дѣтвора тамъ въ мячъ играла —и тѣхъ перебилъ новый иродъ—Николай II. Кровь, кровь повсюду. Проклятья слышны, стоны, рыданія. А безсиленъ народъ!

Господа офицеры, тѣ прямо охотились за публикой. Одинъ разсказывалъ послѣ: „Вижу, говоритъ, бѣжитъ рабочій: я за нимъ, посмотримъ, у кого ноги быстрѣе; онъ отъ меня въ парадное крыльцо дома, я за нимъ — да въ спину его шашкой, такъ наскозь и прошла: смотрю — такъ мальчишка лѣтъ четырнадцати.“

Или другой случай: взѣзъ мальчишка, несмысленышъ еще, лѣтъ, можетъ, восьми, на дерево, не то любопытно показалось, не то со страху; увидѣлъ его солдатъ и говоритъ офицеру: „Ваше благородіе, ссадить воробушка?“ — „Ссади!“ Бацъ! — и полетѣлъ бѣдный воробушка съ дерева.

4000 человѣкъ убилъ и искалѣчилъ батюшка-царь въ кровавое воскресенье. Набилъ кровавымъ мясомъ всѣ госпитали. Долго послѣ возили по ночамъ цѣлые вагоны труповъ тайкомъ на кладбище. „Ну, думаетъ царь: теперь будутъ спокойны!“ Да

ошибся онъ, ошибся и старый царскій дядя — извергъ Владиміръ: не испугали они рабочихъ! Страхъ обуялъ царскую семью, когда узнали они, что Гапонъ спасся отъ бойни и прочли его новое воззваніе къ рабочимъ. Другимъ языкомъ заговорилъ теперь смѣлый священникъ, вотъ что писалъ онъ рабочимъ сейчасъ же послѣ бойни:

„Родные, кровью спаянные товарищи рабочіе!

Мы мирно пришли 9 янв. къ царю за правдой. Мы предупредили объ этомъ его опричниковъ-министровъ, просили убрать войска, не мѣшать идти къ нашему царю. Самому царю я послалъ письмо съ Царское Село, просилъ его выйти къ своему народу съ благороднымъ сердцемъ, съ мужественной душой. Цѣной собственной жизни мы гарантировали неприкосновенность его личности. И что же, невинная кровь уже пролилась. Звѣрь царь, его чиновники казнокрады и грабители народа сознательно захотѣли быть и сдѣлались убійцами безоружныхъ нашихъ братьевъ, женъ и дѣтей. Пули царскихъ солдатъ, убившихъ заразъ 300 рабочихъ, несшихъ царскіе портреты, прострѣлили эти портреты и убили этимъ нашу вѣру въ царя. Такъ отмстимъ же, братья, проклятому народомъ царю и всему змѣиному царскому отродью, его министрамъ и всѣмъ грабителямъ несчастной русской земли. Смерть имъ всѣмъ. Кто, чѣмъ и какъ можетъ, я призываю всѣхъ, кто искренно хочетъ помочь трудовому русскому народу жить и свободно дышать, на помощь: всѣхъ интеллигентовъ, всѣхъ студентовъ, всѣ революціонныя организаціи. Кто не съ народомъ — тотъ противъ него. Братья-товарищи, рабочіе всей Россіи, вы не станете на работу, покуда не добьетесь свободы. Пишу, чтобы прокормить себя, женъ и дѣтей, разрѣшаю брать вездѣ, гдѣ можете: бомбы, динамитъ — все разрѣшаю. Не грабьте только частныхъ жилищъ и лавокъ, гдѣ нѣтъ ни ѣды, ни оружія. Не грабьте только бѣдняковъ, избѣгайте насилія надъ невинными: лучше оставить 9 сомнительныхъ негодяевъ, чѣмъ уничтожить одного невиннаго. Стройте баррикады, громите царскіе дворцы и палаты, уничтожайте невыносимую народомъ полицію. Солдатамъ и офицерамъ, избивающимъ своихъ братьевъ невинныхъ, ихъ женъ и дѣтей, всѣмъ угнетателямъ народа — мое пастырское проклятіе. Солдатамъ, которые будутъ помогать народу добиваться свободы — благословеніе. Ихъ солдатскую клятву измѣннику-царю, сознательоо пролившему невинную народную кровь, не пожелавшему даже выслушать свой народъ, ихъ солдатстую клятву разрѣшаю.

Дорогіс товарищи-герои, не падайте духомъ, вѣрьте, что скоро добьемся свободы и правды, неповинно пролитая кровь тому намъ порукой. Переписывайте, перепечатывайте всѣ кто можетъ

и распространяйте по всей Россіи это посланіе, зовущее всѣхъ угнетенныхъ, униженныхъ и обездоленныхъ возстать на защиту своихъ правъ. Если меня возьмутъ, разстрѣляютъ — продолжайте эту борьбу. Помните всегда данную мнѣ вами, сотнями тысячъ, клятву. Боритесь, покуда не будетъ созвано Учредительное Собраніе на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, гдѣ будутъ избранные вами самими защитниками вашихъ интересовъ, выставленныхъ въ вашей петиціи измѣнникуцарю.

Да здравствуетъ грядущая свобода русскаго народа!

9 января 12 часовъ ночи."

И кипитъ теперь рабочій Петербургъ, кипитъ вся рабочая Россія. То тамъ, то здѣсь вспыхиваетъ стачка, то тамъ, то здѣсь кипитъ уличный бой: началась великая война народа съ угнетавшимъ его цѣлые вѣка правительствомъ. Всюду вооружается рабочій народъ, готовясь къ мести и къ борьбѣ за свободу.

Рабочіе всего міра съ замираніемъ сердца слѣдятъ за тѣмъ, какъ готовятся къ страшной схваткѣ съ правительствомъ ихъ русскіе братья. Надвигается гроза, рокочетъ громъ.

А деревня русская? А крестьяне?—Уже идутъ со всѣхъ концовъ Россіи: изъ Кіевской, Харьковской, Черниговской, Екатеринославской губерній вѣсти о томъ, что крестьяне разнесли тѣ сахарные заводы, которые выжимали не только сокъ изъ свекловицы, а кровь и горькія слезы изъ всего окрестнаго населенія. Поднялись крестьяне и въ Пензенской губ., и въ Курской, гдѣ они забрали хлѣбъ изъ экономіи начальника царской гвардіи графа Мейендорфа. Да и какъ можетъ быть иначе? Мало что-ли на крестьянахъ ѣздили? Мало изъ нихъ жилы тянули? Кто только на немъ не наживается, кто только имъ не помыкаетъ! И чиновникъ, и помѣщикъ, и кулакъ...

Хотите-ли вы, русскіе крестьяне, оставаться на вѣки рабами, или хотите стать свободными людьми, полноправными гражданами? Если хотите свободы — долой царскія подати: ни гроша убійцѣ-царю! ни единаго человѣка въ солдатчину, въ палачи! Если

хотите свободы, устраивайте въ каждой волости, а то и въ каждомъ селѣ свою крестьянскую власть—революціонный комитетъ. Пусть онъ распоряжается на мѣсто всѣхъ властей. Долой царскихъ чиновниковъ! Если подымется за городскими рабочими весь крестьянскій народъ за свободу — никто не устоитъ! Хотите-ли вы и впредь платить непомѣрныя подати-Хотите-ли вы, чтобы васъ разоряли въ уплату недоимокъ?—или хотите, чтобы скощены были сразу всѣ недоимки, а налоги перенесены были на богатыхъ, такъ, чтобы, чѣмъ кто богаче, тѣмъ большую часть дохода отдавалъ на общія нужды (это называется прогрессивный подоходный налогъ)? Если хотите сразу сбросить съ себя гнетъ губительныхъ платежей—и прямыхъ, и косвенныхъ, налагаемыхъ и на чай, и на сахаръ, и на вино, и на керосинъ, и на плуги, и на всѣ товары и инструменты, если хотите, чтобы не грабили васъ всякими способами, а блюли бы ваши интересы, — подымайтесь всѣ за народное правленіе, за республику: пусть правятъ Россіей выборные отъ народа, народу подотчетные.

Хотите-ли вы доплачивать выкупные платежи, или желаете, чтобы дворяне вернули вамъ то, что содрали съ васъ за вашу-же землю, и эти возвращенные деньги пошли-бы на нужды народныя? Если хотите послѣдняго, боритесь за республику. Своя народная республиканская власть отниметъ у царя и великихъ князей ихъ имѣнія, а у монаховъ ихъ несмѣтныя богатства, вовсе неприличныя святымъ людямъ, за какихъ они себя выдаютъ, — и всѣ эти средства обратитъ народное правительство вамъ на пользу. Боритесь-же за народную власть, за республику.

Вставайте, русскіе крестьяне, на вашихъ душегубовъ! Долго они надъ вами глумились и ломались, пора и вамъ потянуться къ теплу и свѣту, чтобы и для васъ солнышко свѣтило, а не для однихъ боугатыхъ. Крестьянскіе революціонные комитеты всюд-

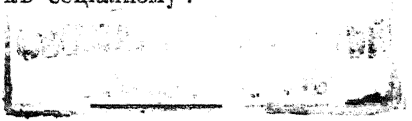
должны сбросить все, что осталось отъ крѣпостной кабалы. Накипѣло на сердцѣ у крестьянъ, а главное — всюду нищета давитъ, животы подвело: кто будетъ виноватъ, если крестьяне что и возьмутъ у помѣщиковъ? У нихъ всего слишкомъ много, ату крестьянъ черезчуръ ужъ мало: небольшой будетъ грѣхъ, коли и подѣлятся мужикъ съ бариномъ своею бѣдой, а баринъ съ мужикомъ своею казной. Только не надо никого убивать по возможности: не стоитъ трудовому люду пачкать свое дѣло кровью. Пусть крестьянскіе комитеты спокойно постановятъ: взять у такого-то помѣщика то и то, что ему пожалуй и лишне, а крестьянину то зарѣзу нужно. Пошли и взяли по постановленію крестьянскаго комитета. Ну, ужъ конечно, коли станутъ стрѣлять, кровь мужицкую лить, пусть на себя пеняютъ: они начнутъ — ихъ и грѣхъ.

Самое важное для крестьянскаго народа—земля! Какъ быть съ землей, кому и на какихъ началахъ ею владѣть — это обсудятъ народные выборные, когда завоюемъ мы республику. Только соціальдемократы не станутъ тутъ отстаивать весь деревенскій народъ они станутъ отстаивать деревенскаго безземельнаго батрака. И въ деревнѣ сильны тѣ, кто побогаче: если и отымутъ землю помѣщиковъ, — перейдетъ она къ тѣмъ, у кого деньги есть, скотъ, а безземельный да безлошадный опять будутъ въ батракахъ у своего же брата богатаго мужика. Знаютъ это хорошо рабочіе соціальдемократы, а потому ихъ цѣль: завоевать свободную республику для того, чтобы бороться потомъ за соціализмъ, за то, чтобы вся земля и всѣ орудія производства принадлежали бы не отдѣльнымъ лицамъ, а всему обществу, чтобы, не было больше ни хозяевъ, ни батраковъ, а устроились бы всѣ, какъ одна большая братская семья. Сразу этого не устроить. Нужно для этого, чтобы всѣ городскіе и деревенскіе рабочіе пролетаріи т. е. тѣ, у кого ничего нѣтъ, кромѣ рабочихъ рукъ,

между собой бы сговорились и сплотились и образованіе бы получили, а это все возможно только при свободѣ. Такъ оно и выходитъ: должны городскіе и деревенскіе рабочіе бороться *за свободу вмѣстѣ* съ зажиточнымъ крестьянствомъ, вмѣстѣ съ торговцами, съ хозяевами-ремесленниками, съ разнымъ людомъ, хоть и имущимъ, а нуждающимся въ свободѣ, а потомъ *за соціализмъ*, за общее имущество и братскій строй придется бороться городскимъ и деревенскимъ рабочимъ *однимъ*. Только вѣдь богатые богатѣютъ, а бѣдные бѣднѣютъ, чѣмъ дальше — тѣмъ все меньше будетъ богачей, все больше бѣдняковъ, потому, что разоряетъ богатый менѣе богатаго, самъ карабкается вверхъ, а того внизъ въ нищету толкаетъ. При свободѣ легко и быстро сплотятъ бѣдняки-рабочіе свои силы, тогда придетъ и нашъ великій свѣтлый праздникъ, придетъ побѣда труда и завоюемъ мы ужъ не свободу только, не права только, не оружіе только — а полное счастье.

Петербургская бойня научила многому городскихъ рабочихъ, пусть научитъ она и деревенскихъ. Нуженъ намъ рабочимъ и въ городахъ, и въ деревняхъ — соціализмъ, а для этого свобода и республика первымъ дѣломъ. А свобода нужна и всему русскому народу; станемъ-же мы рабочіе, впереди всѣхъ, свергнемъ царя и устроимъ такую республику, въ которой было-бы побольше простора для нашей рабочей борьбы за соціализмъ!

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ республика — путь къ соціализму!



12. **Lydin, M.** Material zur Erläuterung der Parteikrise in der Socialdem. Arbeiterpartei Russlands.

I. Die Periode bis zum Enstehen der Iskra—II. Die Iskraperiode.— III. Der Parteitag. — IV. Die Periode nach dem Parteitag. —

Preis: 1 fr. 25 cts. — 1 m. — 1 s. — 25 cent.

12. **Отвѣтъ г. Дейчу.**

Высылается безплатно.

13. **Открытое письмо тов. Г. В. Плеханову.**

Цѣна: 10 cts. — 10 pf. — 1 d.— 1 cent.

14. **Павловичъ.** Письмо къ товарищамъ о второмъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П.

Цѣна: 40 cts. — 35 pf. — 4 d. — 8 cent.

15. „Разсвѣтъ", соціальдемократическій листокъ. №№ 1-9.

Цѣна за комплектъ 2 фр.

16. **Резолюція 41-го члена Р. С-Д. Р. П. по поводу скандаловъ меньшинства".**

Цѣна: 5 cts. — 5 pf. — $^1/_2$ d. — $^1/_2$ cent.

17. **Рядовой.** Изъ-за чего война и чему она учитъ?

Цѣна: 25 cts. — 20 pf. — $2^1/_2$ d. — 5 cent.

19. **Фр. Энгельсъ.** Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи.

Цѣна: 40 cts. — 35 pf. — 4 d. — 8 cent.

Поступили въ продажу новыя изданія:

1. **Галерна.** Долой бонапартизмъ! (Разборъ и критика декларація Ц. К.).

Цѣна: 25 cts.— 20 pf. — $2^1/_2$ d. — 5 cent.

2. **Галерка и Рядовой.** Наши недоразумѣнія.

Содержаніе: 1) Галерка. Наши недоразумѣнія. 2) Его-же. Недоразумѣнія разсѣялись! 3) Рядовой. Наконецъ-то! 4) Л. М. Отъ редакціи („Искры"). 5) Рядовой. Отвѣтъ Л. М. 6) Его-же. Къ свѣдѣнію читателей, которые пожелали бы сотрудничать въ „Искрѣ". 7) Его-же. Роза Люксенбургъ противъ Карлъ Маркса. 8) Его-же. Одинъ изъ выводовъ. 9) Галерка. Органъ безъ партіи и партія безъ органа.

Цѣна: 50 cts. — 40 pf. — 5 d. — 10 cent.

3. **Къ Партіи.** *Содержаніе*: 1) Къ партіи. 2) Резолюція Рижскаго Комитета. 3) Резолюція Московскаго Комитета. 4) Резолюція Женевской группы большинства. 5) Открытое письмо группы большинства „примиренскому" собранію, состоявшемуся въ г. Женевѣ 2-го сентября 1904 г. 6) Отъ издателя.

Цѣна: 20 cts. — 15 pf. — 2 d. — 5 cent.

4. **Рядовой.** О соціализмѣ.

Цѣна: 20 cts. — 15 pf. — 2 d. — 5 cent.

5. **Шаховъ, Н.** Борьба за съѣздъ.

Содержаніе: I. Борьба за второй съѣздъ. — II. От комитетовъ къ перемѣнѣ редакціи. — III. Отношеніе ком къ перемѣнѣ редакціи *(продолженіе)*. — IV. Борьба за съѣздъ. — V. Борьба за третій съѣздъ *(продолженіе)*. — реходъ части Ц. К. на сторону меньшинства.

Цѣна: 60 cts. — 50 pf. — 5 d. — 10 cent.

6. **Галерка.** На новый путь.

Содержаніе: 1) На новый путь. — 2) Здоровыя м гнилой ободочкѣ.

Цѣна 40 cts. — 35 pf. — 4 d. — 8 cent.

7. **Рѣчь Людмилы Громозовой.**

Цѣна 10 cts. — 10 pf. — 1 d. — 2 cent.

8. **Услужливый Либералъ.**

Цѣна: 5 cts. — 5 pf. — $^1/_2$ d. — 1 cent.

9. **Ленинъ, Н.** Земская кампанія и планъ Искры.

Цѣна: 25 cts. — 20 pf. — $2^1/_2$ d. — 5 cent.

10. **Рядовой.** Либеральныя программы.

Цѣна: 20 cts. — 15 pf. — 2 d. — 5 cent.

11. **Орловскій.** Совѣтъ противъ партіи.

Цѣна: 40 cts. — 35 pf. — 4 d. — 8 cent.

13. **Ленинъ Н.** Заявленіе и документы о разрывѣ центр учрежденій съ Партіей.

Цѣна: 15 cts. — 10 pf. — $1^1/_2$ d. — 3 cent.

14) **Марксъ и Энгельсъ.** Манифестъ коммунистической Prix: 50 cts. — 40 pf. — 15 d. — 10 cent.

15) **Докладная записка Лопухина** съ предисловіемъ Н. Л Prix: 50 cts. — 40 pf. — 5 d. — 10 cent.

16) **В. Воиновъ.** Какъ петербургскіе рабочіе къ царю Prix: 25 cts. — 20 pf. — $2^1/_2$ d. — 5 cent.

☛ Выписывающіе изъ экспедиціи за пересылку не п

Принимается подписка на газету „Впередъ

Условія съ пересылкой и доставкой: за 4 номера — (60 пф., 75 гел., 7 пенс., 1 руб.); за 8 номеровъ — 1 фр. 1 м. 20 пф., 1 кр. 50 гел., 1 ш. 3 п., 1 р. 75 к.); за 12 2 фр. (1 м. 60 пф., 2 кр., 1 ш. 8 п., 2 р. 50 к.).

Адресъ экспедиціи: V. Bontch-Brouèvitch, 3, rue Colline, 3, Genève, (Suisse).

Адресъ редакціи: V. Oulianoff, 3, rue de la Coll Genève, (Suisse).